

Е. П. БЕЛИНСКАЯ, О. А. ТИХОМАНДРИЦКАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

*Для студентов учреждений
высшего профессионального образования*

Москва
Издательский центр «Академия»
2009

УДК 159.923(075.8)

ББК 88.5я73

Б432

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. Ломоносова, академик РАО *Г. М. Андреева*;

доктор психологических наук, заведующая лабораторией Психологического института РАО, профессор *Т. Д. Марцинковская*

Белинская Е. П.

Б432 Социальная психология личности : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. — М. : Издательский центр «Академия», 2009. — 304 с.

ISBN 978-5-7695-5883-2

В пособии характеризуется процесс усвоения человеком социального опыта и его активного воспроизводства через формирование установок и ценностей, а также рассматриваются особенности социального поведения человека, развития Я-концепции и идентичности.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования.

УДК 159.923(075.8)

ББК 88.5я73

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

© Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А., 2009

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2009

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2009

ISBN 978-5-7695-5883-2

Предисловие

Основная задача любого учебного пособия — познакомить читателей, находящихся в начале своей профессиональной социализации, с традиционным знанием, одновременно очертив основные линии его развития, задав то «проблемное поле», в котором им придется осуществлять собственный научный поиск. Естественно, подобная задача предполагает определенный стиль изложения. Однако в области социальной психологии личности выдержать его, пожалуй, особенно трудно. Общеизвестное утверждение, что социальная психология имеет короткую историю, но богатое прошлое, в наибольшей степени может быть отнесено именно к той ее части, которая обращается к анализу личности.

Адекватно решить задачу знакомства читателя с социальной психологией личности — одновременно и исторически сложившейся и лишь намечающей пути своего развития на рубеже тысячелетий — довольно трудно, если вообще возможно. Отсутствие целостности, определенная конфликтность самой предметной области вызывают сложности при необходимости ее учебного толкования. Признаемся, что именно вопросы структурирования излагаемого материала составляли для нас наибольшую проблему.

Сложность построения учебного пособия, в центре внимания которого — личность как социальное качество человека, обуславливается также общим состоянием наиболее содержательно близкой психологической области, а именно психологии личности. Пожалуй, в психологической науке нет более спорного понятия, нежели «личность». История и современное состояние теоретического психологического знания включает в себя богатый спектр различных теорий личности. Авторы учебников по психологии личности в один голос говорят о невозможности однозначного определения данного понятия, апеллируя либо к многогранности самого изучаемого феномена, либо к его принципиальной иллюзорности. Трудно не согласиться с точкой зрения А. Г. Асмолова, одного из признанных авторитетов в исследовании личности, утверждающего, что в этой области отсутствует единый стержень, который позволял бы рассматривать ее как целостную систему знаний.

Нам представляется, что описанные трудности структурирования могут быть преодолены за счет выбора в качестве системооб-

разующего какого-то одного «стержневого» понятия (или проблемы), которое, с одной стороны, указывало бы на его социально-психологическую принадлежность, а с другой — содержание которого бы обязательно отражалось в большинстве общепсихологических теорий личности. В качестве такого понятия нами было выбрано понятие «социализация», хотя, естественно, — это далеко не единственный возможный подобный «стержень». Этот выбор и обусловил следующую логику изложения.

В первой части пособия дан краткий историко-гносеологический обзор модификаций социально-психологических трактовок проблемы «личность и общество» — в основном через анализ различных теорий социализации, а также сложившихся логик изучения содержания, институтов и различных агентов социализации.

Вторая его часть содержит анализ социального поведения человека и его возможных регуляторов: норм, ролей, ценностей.

Третья часть пособия посвящена вопросам взаимосвязи atti-тюд и поведения.

В четвертой части представлены возможные «ответы» человека на социальное влияние, своего рода результаты социального «самоконструирования» личности, прежде всего — социально обусловленной системы представлений человека о самом себе.

В заключительной пятой части учебного пособия очерчены основные линии актуального развития данной проблематики, тесно связанные с современными особенностями социальной динамики в целом: специфика социально-психологического подхода к изучению личности в эпоху стремительных социальных изменений, кризис идентичности и ценностей, особенности совладающего поведения в трудных жизненных обстоятельствах.

Мы понимаем, что довольно большая часть проблем осталась за пределами нашего рассмотрения. Так, раздел, посвященный теоретическим подходам к анализу социализации, мог бы быть значительно шире в силу многочисленности мотивационных концепций, да и проблема соотношения когнитивных и мотивационных процессов в социальном становлении личности в целом раскрыта нами далеко не полностью. Мы фактически не затрагивали поведенческую составляющую социального «самоконструирования» личности (выражающуюся, например, в индивидуальных различиях разрешения ролевых конфликтов), а также лишь отметили актуальные направления дискуссий о соотношении аффективных и когнитивных процессов в конструировании идентичности.

При разработке данного учебного пособия были проанализированы зарубежные учебники по социальной психологии и психологии личности, а также использован опыт чтения курсов лекций по социальной психологии личности и психологии уста-

новки студентам, специализирующимся по социальной психологии на факультете психологии МГУ имени М. В. Ломоносова. Именно для студентов — будущих социальных психологов — оно и написано. Однако мы старались по возможности сделать пособие интересным и для других студентов-гуманитариев — было бы по крайней мере самонадеянным полагать, что глобальная проблема социальной сущности человека «принадлежит» одной лишь социальной психологии.

Пользуясь возможностью, мы с большим удовольствием выражаем благодарность своим коллегам по кафедре социальной психологии за активную помощь. Мы глубоко признательны Галине Михайловне Андреевой, студентами которой мы когда-то были и у которой с радостью продолжаем учиться сейчас: ее конструктивные советы и рекомендации не только направляли наш поиск, но и воодушевляли, придавая уверенности. Мы благодарны также Александру Ивановичу Донцову, который в свое время поставил перед нами задачу разработки учебных курсов, легших в основу данного пособия, а затем стимулировал на определенном этапе необходимость рефлексии опыта их чтения. Мы хотим также поблагодарить Татьяну Гавриловну Стефаненко за множество предложений и идей, высказанных с присущими ей долготерпением и доброжелательностью.

Личность в социальной психологии: историко-гносеологическая перспектива

В душевной жизни одного человека другой всегда оценивается как идеал, как объект, как сообщник или как противник, и поэтому индивидуальная психология с самого начала является одновременно и социальной психологией...

З. Фрейд

Глава 1

Специфика социально-психологического подхода к пониманию личности

1.1. Введение

Последние два-три десятилетия развития социальной психологии отмечены значительной актуализацией исследовательского интереса к вопросам личности. Во многом это связано со становлением и бурным развитием относительно новой ее области — *психологии социального познания*. Ставя своей основной задачей анализ механизмов и закономерностей, которым подчиняются понимание и интерпретация человеком окружающей социальной действительности и самого себя в ней, она задала новые перспективы изучения традиционной проблемы общественного животного.

Исследовательский акцент на субъективной стороне жизни онтологически обусловлен усложнением процессов современной общественной динамики. Ускорение темпов социального развития, определяющее влияние на него новых технологических достижений, принципиальная изменчивость всего социального поля вынуждают человека постоянно менять представления об окружающей действительности, бросая вызов его адаптационным возможностям. Соответственно, для всего гуманитарного знания в целом и для социальной психологии в частности закономерным стало возросшее признание доминанты роли *субъектов* — единичных и коллективных, выдвинувшее на первый план *задачу анализа феноменологии и механизмов субъективной реконструкции социальных реалий*.

Концептуальная «рамка» этой позиции сегодня более чем широка: от теории социальных представлений в социальной психо-

логии до идей репрезентативной культуры в социологических и культурологических концепциях; от позиций социального конструкционизма, фиксирующего социальное как существующее лишь в актах интеракции и коммуникации, которые по своему характеру неизбежно межиндивидуальны и потому субъектны, до фактического отрицания самой дихотомии «индивид — общество» в некоторых современных социологических теориях. Причины становления подобного вектора развития социальных наук являются сегодня предметом достаточно напряженной методологической рефлексии. В целом их можно свести к двум позициям.

Согласно первой позиции, подобная субъективизация есть следствие *объективных тенденций* общественной жизни, превращения ее во все более интенсифицирующийся поток социальных изменений, нередко разнонаправленных, фрагментарных, имеющих разную «скорость» в различных сферах жизни, и т. п. Раз социальный мир оценивается как находящийся в состоянии множества динамических взаимозависимостей (сколь бы разнообразно ни понималась сама их первооснова — технологически, информационно, коммуникативно, культурологически и пр.), как существующий в своеобразной точке бифуркации, когда дальнейшее нарастание его изменчивости рискует преодолеть допустимые пороги неопределенности, то встает вопрос о некотором организуемом и структурирующем начале, способном противостоять этому. Поэтому подобный «социальный хаос» закономерно привлекает внимание к субъектному фактору как единственному структурообразующему моменту — в ситуации нарастающей социальной изменчивости лишь сам человек мыслится «конечной мерой вещей», а его субъективная реальность (представления, образы, ценности, идентификации и т. п.) не только отражает данную динамику, но и оценивается как действенный фактор влияния на нее [Абульханова-Славская К. А., 1995; Асмолов А. Г., 2002; Брушлинский А. В., 2003; Augoustinos M., Walker J., 1996; Shotter J., 1989; Wiewiorka M., 1996].

Согласно второй и, заметим, не исключающей первую, позиции, актуальное наличие в широком научном дискурсе субъектного акцента связано не столько с онтологическими, сколько с *гносеологическими* причинами. Центральной из них признается *кризис рационализма*, который, имея довольно отдаленные от сегодняшнего дня философские начала, в своем современном преломлении в социальном знании имеет следствием постепенно проявляющийся не только отход от позитивистской методологии и поиск новых парадигмальных оснований, но и повышенный интерес к иным, не-рациональным способам познания. Подобное расширение «границ» субъекта — через заявку на преодоление столь привычного для психологии дуализма

«субъект — объект», через внимание к различным формам интерпретации, «вчувствования», «понимания», «принятия» как специфичным для собственно человеческого познания и задающим его символическое содержание, — само по себе смогло повернуть привычную логику анализа. Центрированная до этого преимущественно на анализе объективной социальной динамики (для социологии), или же на индивиде как субъекте познания мира, в том числе — социального (для психологии), эта логика постепенно превращается в логику непрерывного конструирования, отражая, по образному выражению одного из отечественных авторов, проникновение «вируса постмодернизма» в социальные науки [Якимова Е. В., 1999]. В свою очередь это акцентирует, по сути, новое понимание субъекта — как креативного, погруженного во множественные коммуникации, постоянно выходящего за пределы своего индивидуального «Я». Во многом именно поэтому исследование процессов построения человеком образа социального мира, включающего в том числе представления о самом себе, закономерностей формирования персональной системы ценностей в ситуации современных ценностных сдвигов, когнитивных механизмов, обеспечивающих индивидуальные стратегии поведения в изменяющихся социальных обстоятельствах, — иными словами, всего того, что в целом можно определить как *активность личности в ходе социализации*, и составляет сегодня значительную часть социально-психологического знания.

Однако заметим, что как с точки зрения «богатого прошлого», так и с позиций своей «короткой истории», проблематика личности неизменно оставалась одной из наиболее конфликтных в социальной психологии. Представляется, что это было связано с самим ее предметом — изучением *человека как социального существа*. Ведь будучи объективирована «другим» именно как некоторая социальность, личность каждого из нас неизменно дана в субъективном восприятии как неповторимость, уникальность — соответственно за любым социально-психологическим подходом к личности «тенью отца Гамлета» постоянно вставала *общефилософская проблема индивидуальной свободы и детерминации*. Таким образом, внутренняя конфликтность всей социальной психологии личности поддерживалась невозможностью найти однозначный ответ на ее основной вопрос, невозможностью определить однонаправленный вектор развития человека: не пренебрегая его обусловленностью всем социокультурным «полем», с одной стороны, и не отказывая в возможностях персонального самоопределения — с другой.

Однако данная внутренняя конфликтность задавалась и задается не только этим. Как справедливо отмечается многими современными исследователями проблемы личности в социальной психологии, за тем или иным решением вопроса «общественного

животного» всегда стоят вопросы *морали* и *возможностей социального влияния*. А именно: во-первых, — может ли человек быть носителем некоторых универсальных ценностей, или же определяющими выступают социальные ценности, всегда имеющие весьма конкретную пространственно-временную локализацию? И во-вторых, — следует ли воздействовать на социальные структуры в целях изменения их членов, или необходимо так или иначе влиять на людей, чтобы изменить эти социальные структуры? И если для других психологических дисциплин данные вопросы носили и носят, в общем, довольно умозрительный характер, то для социальной психологии их решение имело и имеет вполне «приземленные», практические следствия.

Наконец, отметим, что определенная внутренняя дисгармония проблематики личности в социальной психологии была связана с неоднозначностью имеющихся трактовок самого понятия социальной детерминации. В целом их выделялось две.

Во-первых, социальное понималось как *непосредственное окружение человека*, как «*другие люди*». Для социальной психологии эту позицию впервые отчетливо эксплицировал Дж. Г. Мид, настоявший на значении «взгляда “Другого”» в построении «Я» (*self*) и на значении ролей, которые исполняет человек в ходе социального взросления во взаимодействиях с разными «Другими». Интересно, что в этой логике в дальнейшем развивались не только чисто интеракционистские концепции личности. Даже изначально более чем далекие от нее теории социального научения также были вынуждены постепенно переходить от изучения только внешних, средовых факторов развития к большему включению в анализ и когнитивных элементов, увязывающих прошлый опыт личности с новыми социальными ситуациями¹.

Во-вторых, социальная детерминация понималась и более широко — как *влияние общества в целом*, которое очевидно всегда «больше», чем непосредственное социальное окружение. В этом случае в анализ включались и включаются социальные отношения, институты социализации, культура, социальные представления и т. п. Подобный подход задавал определенные рамки для социально-психологического исследования личности: очевидность того факта, что макросоциальное влияние суть процесс, развивающийся в гораздо более длительном интервале, чем время непосредственного межличностного взаимодействия, закономерно обращала социальных психологов не столько к изучению

---

¹ Характерна в этом смысле, например, эволюция взглядов А. Бандуры, введшего в активный психологический обиход концепции самоэффективности: возможности воздействия человека на самого себя, с его точки зрения, определяют его способностью прогнозировать исходы тех или иных своих действий через оценку способностей выполнить намеченное [Бандура, 2000].

формирования и развития тех или иных «социальных наслоений» в личности, сколько к исследованиям ее исторической и межкультурной изменчивости. Заметим, что подобный фокус анализа, приведший сегодня к однозначному утверждению в социальной психологии идеи социальной вариативности самого понятия личности, имел своим следствием и определенное размывание предметного поля ее исследований. Так, на сегодняшний день оно все чаще включает в себя *культурологический* и *этнопсихологический аспекты*, причем отмечается их далеко не частное влияние как на проблематику личности, так и на социальную психологию в целом. Возможности такого влияния опять-таки связываются с объективными социальными трансформациями, благодаря которым любой социум становится более мультикультурным и в отличие от традиционных обществ постоянно ставит человека перед проблемами выбора и адаптации. А потому, как справедливо отмечается, «важным направлением социально-психологического анализа неизбежно становится активная деятельность личности по конструированию этнокультурной реальности, или порождению, используя терминологию Л. С. Выготского, культуры в процессе личностного развития» [Стефаненко Т. Г., 2002. — С. 40].

Однако все отмеченные выше современные особенности изучения личности в социальной психологии складывались далеко не сразу, а вызревали в общей логике развития данной проблематики. Обратимся к ней.

1.2. Проблема личности в классической социологии и первых социально-психологических концепциях

Попытка рассмотреть становление проблематики социальной психологии личности в историческом аспекте неминуемо сталкивается с определенными трудностями выбора: по сути, вся история взглядов на предмет социальной психологии есть история специфических решений проблемы личности и общества, являющейся центральной для гуманитарного знания в целом. «Богатство прошлого» социальной психологии личности оборачивается в этом случае своей противоположностью, своеобразным *embarras de richesses*¹, тем более что ее собственная «короткая история» определяет довольно локальные временные рамки. Тем не менее, мы попытаемся проследить основные векторы развития социально-психологической проблематики личности — сначала в классической западноевропейской социологии и ранних социально-психологических концепциях, а затем через анализ основных теорий современной социальной психологии.

---

¹ Затруднение от избытка (*фр.*)

Для родоначальников европейской традиции структурного функционализма в социологии О. Конта (1798 — 1857) и Г. Спенсера (1820 — 1903) проблема соотношения индивидуального и социального выступала как проблема отношения человека к «социальному порядку», причем решение ее было двойственным.

С одной стороны, рассматривая развитие общества как процесс объективно нарастающей социальной дифференциации, неминуемо приводящий к возникновению определенных социальных структур, согласованность которых и задает необходимый для дальнейшего общественного прогресса «социальный порядок», они закономерно оценивали этот порядок как «внешний» (и, как правило, принудительный) по отношению к личности. Однако, с другой стороны, и известный «закон трех стадий» социальной динамики О. Конта, и «теория социальной эволюции» Г. Спенсера ведущим фактором социального прогресса признавали прогресс человеческого духа. С их точки зрения, развитие общества обусловлено развитием определенных идей, а основные интеллектуальные действия людей, какова бы ни была сложность современной им общественной структуры, универсальны и строятся по единому набору законов, что, в свою очередь, определяет последовательное приращение знания человека о себе самом и окружающем его социальном мире. Таким образом, не столько «социальный порядок» творит личность, сколько личность задает становление определенного «социального порядка». Заметим здесь же, что очевидная доминанта свободы и рационализма данных концепций была обусловлена общим влиянием интеллектуальной революции эпохи Просвещения. Однако последняя была все-таки уже довольно удалена по оси времени, и остается неясным — унаследованный или же собственный гуманистический пафос заставил, в частности, Г. Спенсера во второй половине XIX в. рассматривать социальный прогресс как постепенное освобождение личности от оков «социального порядка».

Возможность «социального порядка» определяется при этом наличием у человека некоторых психологических качеств. Так, согласно О. Конту, для личности характерны два свойства, в которых проявляется ее социальная природа и которые ведут к «всеобщему согласию»: потребность пребывать в обществе себе подобных и потребность в доброжелательной кооперации. Оба они есть следствие победы в ходе исторического развития социального инстинкта над индивидуалистическим. Интересно, однако, что, несмотря на апелляцию к инстинктивной природе социальности, Г. Спенсер видит причины ее закрепления в работе конкретных механизмов социального контроля, базирующихся на «страхе перед живыми и перед мертвыми», которые воплощаются в создании государственных и религиозных социальных институтов.

Дальнейшее развитие данной проблематики было связано с определением в русле классической социологии линий социологизма и психологизма, начало которому положила полемика Э. Дюркгейма (1859 — 1917) и Г. Тарда (1843 — 1904).

С точки зрения Э. Дюркгейма, социальная реальность имеет собственную оригинальную природу и потому должна объясняться социальными фактами: она не может быть сведена к реальности человеческой индивидуальности. В качестве специфического вида социальных фактов он рассматривал коллективные представления, т. е. определенные способы мышления, чувствования и деятельности, приобретаемые человеком в ходе социализации. Этот общий тезис обусловил то понимание Дюркгеймом механизмов регуляции социального поведения человека, которое в дальнейшем было унаследовано социальной психологией¹, а также идею о существовании уровня коллективных представлений как одного из двух уровней индивидуального сознания.

Итак, согласно Э. Дюркгейму, человек есть «двойственная реальность» (*homo duplex*), в которой индивидуальное и социальное сосуществуют, фактически не смешиваясь. Наличие в языке множества дихотомий для описания человеческой природы (тело и душа, чувства и разум, инстинкт и сознание) лишний раз доказывает, что полюс индивидуального, связанный с физическими потребностями человека, и полюс социального, отражающий наличие у него понятийного мышления и морали, достаточно жестко разведены. Более того: человека делает человеком именно «всеобщее» — символически представленное в его сознании общество.

Подобное оппозиционное разведение социального и индивидуального в человеке и акцентирование при изучении социализации процессов интернализации социального контроля потом еще долго будет преобладать в социально-психологических исследованиях личности, задавая «жесткое» понимание социальной детерминации индивидуального развития как однонаправленного процесса.

Заметим, что именно эти тезисы Дюркгейма и вызывали наибольшее сопротивление его современников. Так, с точки зрения его главного оппонента — Г. Тарда, каждый человек определен

---

¹ Именно Э. Дюркгейму исходно принадлежит представление о двух возможных формах «социального принуждения»: с одной стороны, социальное поведение человека регулируется и ограничивается внешними, объективно существующими правилами социального взаимодействия, а с другой — не менее действенным способом социальной регуляции выступают интериоризированные социальные нормы и ценности, которым Дюркгейм отводил главенствующую роль, так как «истинная основа солидарности в обществе состоит не в принуждении, а в интернализованном моральном долге по отношению к нормам группы» [цит. по: Гофман А. — М., 1995. — С. 34].

целым веером потребностей, мотивов, влечений, причем большая часть из них имеет иррациональную природу и является бессознательной. С его точки зрения, общество представляет собой сумму индивидов, и, следовательно, источником не только индивидуально-психологического, но и социального является «неизменная человеческая натура», которая мыслится во всем ее своеобразии — неотделимой от нелогичных, иррациональных способов поведения, от чувств и страстей, нередко носящих разрушительный характер, от скрытых, недоступных сознанию причин поступков и т.д. Собственно, именно Г.Тард стал первым исследователем в области социальных наук, который поставил под сомнение страстную веру в человеческий разум, унаследованную западно-европейскими мыслителями от эпохи Просвещения.

Его идея о роли иррациональных факторов в социальном поведении личности нашла свое более конкретное воплощение в одной из первых социально-психологических концепций — «психологии масс» Г.Лебона (1841 — 1931).

С точки зрения Лебона, главной чертой наступающей эпохи (имелось в виду наступление XX в.) станет замена сознательной деятельности отдельных индивидов бессознательной властью толпы, при этом причину подобного торжества «массы» над личностью он видел в господствовавших в обществе определенных идеях, — а именно идеях социализма. Продолжая линию психологизма в анализе проблемы личности и общества, Г.Лебон считал причиной социальной динамики постоянную смену идей: будучи исходно интеллектуальным и духовным достоинством одного человека, определенная идея путем заражения проникает в «душу массы», находя все большее и большее количество своих приверженцев.

Хотя анализу собственно толпы, или «массы», Г.Лебон уделяет много внимания, основным предметом своего исследования он видел именно личность. Как изменяется сознание и поведение отдельного человека в рамках подобной большой группы? — вот тот вопрос, который оказывается в центре его концепции. Г.Лебон отмечает следующие *основные особенности личности в «массе»*:

- становясь ее членом, человек приобретает большее сознание собственной силы и перестает обуздывать врожденные инстинкты, следовательно, повышается уровень его импульсивной активности;

- вырвавшаяся на свободу иррациональность человека заставляет его жить больше чувствами, а не прислушиваться к доводам разума, следовательно, повышается уровень его эмоциональности и снижается уровень критичности;

- возросшая в силу вышеперечисленного восприимчивость к внушению и подверженность заражению заставляют человека принести в жертву свои индивидуальные интересы и отказаться от произвольного поведения;

– закономерным итоговым следствием являются снижение уровня индивидуальной ответственности и фактическая передача этой функции лидеру — «вождю массы» [Лебон Г., 1995].

Нетрудно видеть определенную парадоксальность исследовательской позиции Г. Лебона: *личность характеризуется им через те ее атрибуты, которые, по сути, являются безличностными*. Подобный фокус анализа — изучение личности через процессы деперсонализации, через «недостаток личностности» довольно долго потом будет преобладать в социально-психологических исследованиях. Подчеркнем, что мы отмечаем эту особенность абсолютно безоценочно — лишь для того, чтобы обратиться к ее возможным причинам. Среди них можно выделить как минимум две.

Во-первых, как и в случае первой характерной особенности ранних решений проблемы (жесткое позиционирование социального и индивидуального в личности), в формировании подобного подхода сыграла свою роль доминирующая в социологии того времени методология позитивизма: исходное стремление «очистить» представления об обществе от любого рода мистицизма неизбежно приводило к преобладанию полюса социальности в анализе личности.

Во-вторых, любой предмет изучения оказывается наиболее эксплицированным именно в ситуации нехватки каких-либо своих сущностных черт: так же как мы понимаем роль кислорода, когда нам нечем дышать, собственно личностное в индивиде становится наиболее очевидным в случае его деперсонализированных проявлений.

Г. Лебон завершает свою характеристику личностных изменений, происходящих с человеком в результате его включенности в большие социальные группы, необходимым требованием появления фигуры вождя, в которой должны персонифицироваться утерянные каждым членом «массы» личностные атрибуты. Механизм этого процесса был впоследствии вскрыт З. Фрейдом (1856 — 1939) в рамках *психоаналитической концепции*.

Основное содержание социально-психологических воззрений З. Фрейда представлено в работе «Психология масс и анализ человеческого Я», вышедшей спустя более 20 лет после «Психологии масс» Г. Лебона. Определяя в качестве ее центрального сюжета проблему взаимоотношений личности и общества, Фрейд сам довольно сдержанно оценивал возможные перспективы ее решения, отмечая, что «есть проблемы, до которых нельзя долететь, но можно дойти хромя, и в таких случаях не грех и похромать...» [Фрейд З., 1998. — С. 154].

Основным объяснительным принципом З. Фрейд выбирает *libido* («масса объединяется любовью»), т. е. человек позволяет влиять на себя из-за желания быть в согласии и в любви с окру-

жающими. В качестве основного механизма установления либидозных по своей природе социальных связей Фрейд выделяет механизм идентификации, в результате действия которого человек, будучи членом «массы», отказывается, в конечном счете, от своего Идеала-Я и заменяет его массовым идеалом, воплощенным в вожде. Тем самым исходно личностная инстанция объективируется и унифицируется, становясь «внешней силой» по отношению к человеку, выполняя свою социально-регулирующую функцию и создавая для него дополнительное напряжение «несвободы».

Таким образом, именно благодаря механизму идентификации индивид приобретает собственно социальное качество: во-первых, потому, что его индивидуальное Сверх-Я образовано в результате идентификаций со значимыми объектами (прежде всего — с родительскими фигурами), а во-вторых, потому, что при условии включения в «массу» его идеальные представления о самом себе воплощаются в другом человеке (фигуре вождя). Поэтому-то, с точки зрения Фрейда, психология личности и есть всегда социальная психология.

Подчеркнем здесь же, что этот интерес к психологическим механизмам становления индивида как социального субъекта обусловил еще одну характерную особенность социально-психологических исследований личности, актуальную и сегодня: изучение «поля социального» в личности через анализ структур индивидуального самосознания.

Дальнейший поиск социального в личности во многом связан с детализацией именно этой позиции. Определенную роль в становлении подобного фокуса анализа сыграла *феноменологическая традиция в социологии*, связанная с именами Э. Гуссерля, М. Вебера и др.

Основные положения феноменологического подхода к анализу проблемы личности и общества могут быть кратко сформулированы следующим образом:

- социальная действительность есть прежде всего продукт конституирования нашего знания о ней, следовательно, традиции естественно-научного знания, в частности принципы позитивизма, неприменимы при изучении социальных явлений;

- важнейшей способностью личности является способность интерпретировать и сводить к различным типам все разнообразие своих впечатлений о мире, следовательно, человек не может рассматриваться как социальный объект, он всегда субъектен — в силу факта интеракции с социальной действительностью;

- подлинно социальное в личности скрыто от глаз исследователей; научный интерес представляет не столько внешняя сторона социального (например, социальное поведение), сколько внутренняя (например, понимание человеком целей своего социального

поведения). Следовательно, основная исследовательская задача состоит в описании природы обыденного сознания.

Таким образом, с данной точки зрения основной характеристикой человека как социального субъекта является способность к смысловой интерпретации действительности. Возможность этого определяется в целом «погруженностью» личности в поле культуры и, в частности, участием в языковой общности. Интерес к социокультурным факторам развития личности для социальной психологии в дальнейшем развернуто был задан *«психологией народов»* В. Вундта (1832 — 1920).

В основе позиции В. Вундта лежала констатация очевидного историко-географического факта: наличие впечатляющей вариативности образов жизни, обычаев, традиций разных народов. Однако, по справедливому мнению ряда социальных психологов, обращающихся сегодня к анализу личности, зарождающийся интерес к анализу культурного разнообразия человеческой личности оказался в плену основной идеологической схемы западно-европейской культуры своего времени, а именно представлений о том, что онтогенез повторяет филогенез. Последнее неминуемо сужало возможности социокультурного анализа личности до исследований «национального характера», иерархических отношений между разными народами и т. п.

Завершая этот краткий обзор истории влияния классической западноевропейской социологии и ранних концепций социальной психологии на становление социально-психологических исследований личности, подчеркнем два следующих положения.

В о-п е р в ы х, неоднозначность, «многомерность» представлений о личности в рамках социальной психологии была обусловлена традициями ее социологической и психологической редукции.

В о-в т о р ы х, еще на ранних этапах развития в социальной психологии были заложены некоторые общие представления о социальной природе личности, имевшие значительный «отклик» во всей ее дальнейшей истории. К ним можно отнести прежде всего различные понимания природы социальной детерминации личностного развития, представление о социализации как процессе интернализации форм социального контроля и возможность изучения социального влияния через анализ структур индивидуального самосознания.

1.3. Развитие проблематики социальной психологии личности

Интерес к проблематике личности на заре социальной психологии может создать ожидание аналогичного, достаточно развернутого, его продолжения. Однако проблема личности в «класси-

ческой» (если это определение применимо к столь молодой науке) социальной психологии была значительно менее эксплицирована, чем это можно было бы себе представить, исходя из начального периода ее становления. С конца 20-х — начала 30-х гг. XX в., с того времени, как требования эксперимента все отчетливее зазвучали в среде социальных психологов, а центр исследовательской мысли переместился из Западной Европы на американский континент, и вплоть до середины 60-х гг., до момента известного кризиса, социальная психология была обращена к другим проблемам. Преимущественно они центрировались вокруг феноменологии малой группы. Однако это не значит, что проблема личности вообще «не звучала» в социально-психологических исследованиях. Она, скорее, оставалась некоторой «конечной рамкой» анализа. Прежде всего это касалось *изучения процессов влияния группы на личность*. И следует отметить, что выделившиеся еще на ранних этапах становления социальной психологии особенности рассмотрения в ней проблемы личности нашли в этих исследованиях свое подкрепление.

Как отмечалось, одной из таких характерных особенностей было обращение к личности через «безличностное», через анализ процессов деперсонализации. Но если ранним социально-психологическим концепциям был присущ интерес к процессам утраты человеком своих собственно личностных атрибутов в результате включенности в большие социальные группы, то в дальнейшем исследователи обратились к изучению аналогичной проблемы на материале малых групп. Эта линия прослеживается от одного из самых ранних социально-психологических экспериментов — *эксперимента Н. Трипплетта*¹, модифицированного и проанализированного впоследствии Ф. Олпортом, — до значительно более поздних исследований Р. Зайонца и С. Аша.

Напомним, что основная идея, предложенная Р. Зайонцем для интерпретации казавшихся противоречивыми результатов Трипплетта и Олпорта, состояла в следующем. Присутствие других усиливает возбуждение человека, выполняющего какие-либо задания, при этом известно, что возбуждение всегда усиливает доминирующую реакцию. Соответственно оно должно улучшать выполнение легких заданий (*социальная фасилитация*) и ухудшать выполнение трудных (*социальная ингибция*). Собственно социально-психологическая интерпретация может быть более развернутой. Социальное возбуждение усиливает доминирующую

---

¹ Первый в истории социальной психологии эксперимент, посвященный количественному измерению наличия конкуренции на продуктивность деятельности, был проведен Н. Трипплеттом в 1898 г. В первые десятилетия XX века Ф. Олпорт, обобщив данные Н. Трипплетта, впервые ввел в социальную психологию понятия социальной фасилитации и ингибиции.